

Раиса Кучай
Обними меня, Завтра!

Повести, рассказы

Раиса Николаевна Кучай
Обними меня, Завтра!
Повести, рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23098416

ISBN 9785448332142

Аннотация

В сборнике представлены повесть «Обними меня, Завтра!», несколько рассказов о колоритной сибирской жизни. Автор ставит перед собой задачу разбудить удивление.

Содержание

Повести	5
Обними меня, Завтра	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	34
Глава 7	38
Глава 8	42
Глава 9	47
Глава 10	55
Глава 11	59
Глава 12	61
Глава 13	67
Глава 14	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Обними меня, Завтра!

Повести, рассказы

Раиса Николаевна Кучай

Рисунки и фотографии автора Раиса Николаевна Кучай

Дизайнер обложки Раиса Николаевна Кучай

© Раиса Николаевна Кучай, 2017

© Раиса Николаевна Кучай, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-3214-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Повести

Обними меня, Завтра

*Если удивление разбужено, то всякий найдет
ответы самостоятельно, открывая в себе такое,
о существовании которого не подозревал*
Э. Фромм

Глава 1

Хирург, прозванный больными Григом, в этот день начал ошибаться с самого утра: он выпил кофе – в среду он всегда пил чай; он не посмотрел на своё отражение в зеркале; не провел каждым пальцем руки по своему отражению; не пригладил вредный и всегда торчащий клоч седых волос на макушке; а быстро оделся и, выходя из квартиры, сверил время на экране мобильного с предполагаемым временем. Время не совпало – оно, словно, ужалось на десять минут. Он попытался вспомнить – что не сделал, отмахнулся. Колени работали как всегда пружинисто и живо и он, отсчитав ступеньки на цифре тридцать семь, уверенно вытолкнул дверь, как намеренно удачно высвобождаются из заточе-

ния на волю, объявился на крыльце, вдохнул полной грудью, впуская холодный воздух перемен до солнечного сплетения.

Ко всем ошибкам добавились лишние размышления. Он начал мечтать о встрече с больной Казариновой – казалось, застенчивой, но раздражающе активной. Больная Казаринова за три дня со времени появления в отделении слишком часто попадалась ему на глаза, словно подчеркивала своим неурочным появлением отработанный уже кусок времени. И каждый раз ему невольно приходилось оценивать этот кусок времени и при этом морщиться, потому что кусок был не удобоварим. В операционной его руки, как всегда, слушались и творили сущие чудеса, и он был господином, вне операционной он как будто рассыпался на две противоборствующих половинки. Это не было раздвоением личности, этого требовали окружающие условия, увы, с каждым годом все менее идеальные.

Григ представил: а что если бы на территории центра был православный храм. Посмел бы он в него войти, чтобы отомолить ошибки? Посмел бы вымолить право на очередные ошибки? Как встречаться в этом храме с больными – тем самым провозглашать собственное бессилие или, стоя рядом с ними в одном ряду, защищать то самое право на ошибку? Иерархия здешнего мироустройства отводила хирургам роль богов, прочий медперсонал выполнял роль obsługi, но с каждым следующим годом служба в лице медсестёр становилась все более невнимательной и полу спящей. Они

ошибались во время операций, после операций на перевязках, при обслуживании больных. Григ начал бояться делать им замечания: ведь чрезмерная строгость и жесткость в отношениях с ними приводила к тому, что они, измотанные придирками, не выдерживали и увольнялись. Когда он об этом узнавал, то начинал каяться и мысленно исправляться, но уже было поздно.

У ворот, ширину которых повторяла стрела шлагбаума, он остановился, перевёл дыхание, уверенной походкой пошёл по дороге, ведущей к строящемуся объекту, предположительно, храму. Проходя мимо высокого крыльца, невольно перекрестился, огляделся: заметили ли. Когда наложил вторично на себя крест – осознал, что сделал это автоматически. Никогда он не понимал, что означает – «находиться в виртуальном мире». Вот сейчас понял, что послал своему подсознанию благословение и разрешение на вмешательство. Брат – близнец начал работать почти моментально, он это почувствовал ударом горячей волны в руки, в ноги и в сердце.

По узкой лестнице Григ поднялся на свой пятый этаж, перед дверью входа в отделение приостановился. Дверь открылась и выпустила на него разъяренную женщину в белом халате. Григ отстранился, пропуская узнаваемое существо – заведующую отделением Софью Вениаминовну. Она схватила его за руку и как нашкодившего мальчишку потащила за собой по коридору соседнего отделения, не уставая отчи-

тывать. Наконец, руку Грига отпустила и остановилась, повернувшись к нему лицом.

– Что за провокации?! Нам оно надо?!

– Здравствуйте, уважаемая Софья Вениаминовна! Ничего не понял. – Григ с высоты своего роста добродушно вглядывался в покрасневшее лицо спутницы, словно в замедленной съемке прокрутил головой, осматривая место остановки – длинный коридор перехода в административное здание.

– Правда – не в курсе?

– Нет, не в курсе!

– Твои больные в Облздрав позвонили и пожаловались на плохие условия, в том числе на отсутствие отопления в отделении. Как они посмели? Кто их настроил?

Григу на эту разборку не хотелось отвлекаться.

– Я ведь не духовник, и не наставник, я – простой хирург.

– Больные твои, и Главный вызывает нас обоих. Что будем говорить?

– Будем слушать, – предложил Григ.

Начальство в критические моменты или перед получением заработной платы становилось придирчивым и буквально «сбивалось с ног» в борьбе за показатели – терроризировало весь коллектив предусмотрительностью, чтобы подтвердить свои исключительные права на более значимую денежную благодарность. Григ перестал даже мысленно осуждать строгое начальство за это. Это должны делать другие – те другие, у которых больше было времени на разного рода

сортировки и пересортировки.

Главный встретил вошедших вопросом, с трудом пряча за сиреневатым отблеском очков реактивность.

– Пришли?

«А могло ли быть иначе?» – Григ почувствовал где—то в животе сумятицу, засопротивлялся всей напряженностью бронхов этому – закричал глубоко вовнутрь спасовавшему близнецу: «Я – хирург».

– Давно я не получал такого разгоня, как пионер оправдывался перед бабой. Почему не докладывали, что отопление нет в отделении?

Главный ждал ответа, набычив голову и высверливая тяжелым взглядом обоих.

Слово взяла на вытяжку стоящая розовощекая Вениаминовна.

– Я ведь только что из отпуска вышла, знаете же – какая нагрузка на хирургах. Да и холод – больше нам друг.

– А я – меньше? Надеюсь, кляузники пожалеют. Идите.

Изнутри рвался на волю близнец: «я – честный хирург!», Григ вынужден был его поддержать.

– Пора бы отопительную систему проинспектировать, чтобы жалоб не было.

– Не надо меня поучать. Кляузниками займитесь. Кстати, сложные операции у них предстоят?

Григ поглядел на Вениаминовну, ожидая подсказки, та придвинувшись, шепнула ему: «тринадцатая палата». – Нет,

не сложные, вернее, гистология решит.

– Не забывайте про дикие очереди, соразмерно и действуйте.

Григ пришел в ординаторскую совершенно спокойным и готовым к трудовым подвигам. Коллеги, раскладывая папки с историями больных, задавали короткие вопросы друг другу, так же коротко отвечали на них. Тема Грига заинтересовала, и он прислушался, машинально пошел к умывальнику, взгляделся в своё отражение в зеркале. Отражение тучного Бориса и худосочного Алекса образовало естественную реакцию – Григ улыбнулся, поприветствовав всех сразу, отражения ответили ему тем же. Стряхнув с рук лишнюю воду, похлопал мокрыми ещё руками по хорошо выбритым щекам.

– Как ты смотришь на то, что Алекс собрался уехать в теплые края? – спросил Борис у отражения Грига. Отражение сморщило лицо, словно от зубной боли.

– Смотрю с сомнением, – сказал Григ и, не говоря лишнего, устремился за двери в лабиринты отделения. Из коридора, ведущего в перевязочную, выкатился навстречу Григу на коляске полуголый весь облепленный коричневым лейкопластырем Сашок; он, уступая дорогу озабоченному хирургу, резко приткнул коляску к углу, вслед бросил «здравствуйте!», не дождавшись ответа, прокрутился на месте. Нога Грига уже толкала двери тринадцатой палаты.

Глава 2

Женщины встретили Грига приветливо. Он же, сделав два шага и оказавшись у кровати больной Облизаловой, зло бросил:

– Почему не мне жаловались?

Надежда от неожиданности так и осталась лежать с открытым от удивления ртом, прикрываясь, словно от удара, одеялом. Наконец, набрав достаточного количества воздуха, в ответ произнесла:

– И долго ещё Вы хотели это терпеть?

Соседка поддакнула, поднимая с кровати отдохнувшее тело и располагая его в вершину удивленного происходящим логического треугольника.

– Все же возмущены и даже медперсонал, она только смелее других оказалась, – сказав это, Казаринова пошлёпала к своей кровати, присела с выдохом – «Ну и Григ!»

Этот демонстративный выдох еще более распалил Грига.

– Кто здесь за вас в ответе – вы сами или я? Если вы – то до свидания, распрощаюсь сейчас же.

– Мы вообще здесь никому не нужны. Так получается? – проявилась вредность старушки Разуваевой.

Белый колпак, активно пожиривший лоб Грига, предупредительно завис над бровями и, кажется, этим постарался усмирить активность старушки. Наступило молчание.

– Лучше я уйду – у меня давление 160 на 110. Всю ночь не спала. Не готова я к операции, – с места выкрикнула Казаринова.

– Вы посмеете уйти?

– Послушайте, Григорий Григорьевич, мы здесь словно приговорённые, если в этом храме страшный суд творится, то лучше с собой в миру оставаться.

– Беру! – прервал возмущение Григ, повернувшись к дверям, сделал отмашку в сторону Казариновой, вышел.

– Получается: нас выдала операционная сестричка, которая больше всех возмущалась, – вслух размышляла, приподнимающаяся на своей кровати, Облизалова. Казаринова поддакнула, старушка Разуваева начала «песню» про совершенное игнорирование претензий от старых людей.

Из коридора доносился шум, он с каждой минутой нарастал. За дверью кто—то прокукарекал. Шум прекратился, а кукареканье стало повторяться.

– Да уж встали все. Для кого будильник—то запел, – проворчала всегда одетая в пестрый фланелевый халат старушка Разуваева и пошла в коридор искать шутника. Она вернулась с новостью, одинаково изумившей всех соседок по палате.

– Петушок объявился. Отпрашивался на два дня домой.

Соседки ждали продолжения, дождались. Старушка, остановив собственное умозаключение от увиденного, прошла к своей кровати, удобно уселась, продолжила:

– Так прозвали адвоката. У него травма головы. Виде-

ла несколько шрамов. Говорят: он не только кукарекает, но и лает. Сейчас все собрались у перевязочной к нашему Григу. Да, не повезло человеку.

– И не только ему, – сказала справедливая и придирчивая Надежда.

Женщины некоторое время посидели молча, каждая осмысливая причинно—следственную связь нового явления, которое, возможно, потребует особенного участия.

– Интересно, как его терпят в палате? – спросила себя Надежда.

– Он же в люксе здоровье поправляет, – ответила Казаринова.

– У меня был жених. Остался как—то ночевать. Просыпаюсь ночью от лая. Выхожу из спальни в гостиную. Лежит мой жених на диване и вроде спит. И вдруг опять лай. Наклонилась к нему. Точно – он. То скулит, то лает, как дворняжка.

– Может, жениться раздумал, вот и придумал – как отказать, – съехидничала старушка. Логика у старушки была, на удивление, точной.

– Надо же! А я вправду подумала, что жених с большими изъянами и ему отказала в дружбе, – честно призналась Казаринова. – А получается, что подобные травмы характерны для правоохранителей. Жених в прошлом был милиционером.

Темы выбирались отвлекающие от предстоящих операций, особенно нелепицы личной жизни.

Раздался настойчивый стук в окно. Надежда и Зина повернулись на стук.

– Миленькие наши! Прилетели на завтрак? Что—то завтрак сегодня запаздывает, – облокотившись на подоконник, Надежда гладила пальчиками стекло, казалось, что гладила воркующих голубей, и оправдываясь, приговаривала:

– Скоро, скоро покормлю вас. Зин, может, зря мы их приручаем? Не вечно же нам здесь оставаться, – сказала так и тут же пожалела о сказанном.

– Не сомневаюсь – они к своему порядку любых опекунов смогут приучить.

Зина подошла к окну. Вглядываясь в иную жизнь, обрамляемую большим белым оконным проёмом, тоскливо вывела:

– Интересно, успеют достроить Храм?

Даже старушке Разуваевой этот вопрос показался не ко времени скверным; она поморщилась и покачала головой, словно сказано было что—то запрещенное и грешное.

– Даже в качестве наблюдателя не хотела бы здесь задерживаться, – эту просьбу Надежда направила семье голубей, которые, обращая на себя внимание, соскальзывая и срываясь с узкого оконного козырька, натыкались друг на друга.

Да, грешно в этих стенах гадать на то, – кто счастливее, да и вообще грешно гадать.

Схлынула очередь у перевязочной, пошел готовиться к операциям Григ. Две женщины задержались у перевязоч-

ной. Они, провожая взглядом Грига, продолжали обсуждать лечебный процесс и его главного героя. Женщина в пижаме, со скрытыми от посторонних глаз дефектами – повязками, старательно разбавляла восторги собеседницы в синем бархатном халатике более сдержанными похвалами. Их разговор становился все громче и откровеннее.

– Как повезло, что к Григу попали!

– Да, действительно!

– Как такого мужика не полюбить?

– Это же – необязательно!

– Где ещё такие мужики водятся?

– Где—то водятся!

– Как бы хотелось его обнять!

Женщина в пижаме пригнулась, сжалась. Чтобы приглушить дерзкое признание собеседницы, дёрнула рукав синего бархатного халатика.

– Что ты такое говоришь? Тише – услышат!

– Каждой бабе я бы пожелала такой смелости, – ещё громче высказалась моложавая кругленькая женщина в бархатном синем халате. Заметив в дверях любопытствующие лица, призывно выкрикнула: – Девки! Как жить—то хочется! И любить хочется!

На крик уже спешил, активно взнудывая свою коляску, Сашок. Он катил свое тело, виртуозно увёртываясь от препятствий: почти всегда расставленных вдоль стен дежурных каталок, стульев, похожих на песочные часы колб приборов,

хозяйственных корзин, столов и стеллажей. Сашок здесь самый бодрый, самый позитивный и самый оптимистичный человек. Он ко всем задирается, со всеми дружит и всякого привечает. Иногда слишком демонстративно. Он торопится быть везде, во всем поучаствовать.

– Я уже у ваших ног!

– Сашок! Тебе нравится Григ? – спрашивает игриво «синий бархатный халатик», встав на пути, и препятствуя движению коляски.

– Мне нравится Вениаминовна, а больше всего я – ей, – Сашок любил начинать дискуссию на пустом месте. – Видите, каким испытательным полигоном от её любви стал.

Натыкаясь на любопытных ротозеек, вдруг размножившихся, он прокрутился на коляске, показывая спину.

Зазвенела посуда в соседнем коридоре, словно прозвучал предупредительный звонок на важное действие. Те, кому предписана была в этот день операция, вздрогнули, вспомнив о ней. Другие заспешили на завтрак, в том числе и Сашок.

Глава 3

В тринадцатой палате стояла тишина. Надежда сидела на кровати в позе йога, подвернув под себя ноги, вчитывалась в лекционную тетрадь, то и дело поправляя на своем теле пластины КФС – черные пластмассовые коробочки с чу-

додейственными силами. Зинаида ходила по палате, поддерживая разговор со старушкой Разуваевой. У старушки прошло три дня после операции, но ту несколько не волновало собственная судьба и большой шрам на лице, она то погружалась в рассуждения о судьбе своих двух дочек, а то вслух корила здешних повелителей за черствость и грубость.

Зинаида лишь изредка включалась в разговоры, подтверждая участие в них, примерами из своей жизни, впечатлениями от сурового настоящего.

Вот тогда рассерженный Григ и объявился в палате. Так объявился, что у Надежды из рук выпала лекционная тетрадь, и она вынужденно подсознательно послала навстречу хирургу образ своего мужа Николая – заступника. Григ выбил из рук обоих чашку с водой.

– Предупреждал же, что нельзя пить воду перед операцией, – орал он, размахивая руками.

– На женщинах отрываешься? – услышал Григ низкий голос. Григ наклонился, поднял чашку с пола и поставил на стол, осмотрелся.

– На операцию не возьму!

Зинаида не думала вмешиваться, но вектор упрямства выстроился супротив её желания и она, взяв в соратницы светлый и всегда справедливый образ своей матери, взбунтовалась.

– Тогда и я ухожу, – сказала Зинаида голосом своей матери, но с еле скрываемым сомнением в голосе. Это сомнение

услышал близнец Грига.

– А я говорю – «останетесь»! Следующая – Вы! – миролюбиво закончил спор Григ, подчиняясь близнецу.

Дребезжащая каталка остановилась у дверей тринадцатой палаты, открыла дверь, подъехала к Зинаиде, сказала холодно – «раздевайся», подождала и отягощенная весом покатила по коридору, дробно отсчитывая итальянский серо—зелёный паркет.

В палате остался призыв Зинаиды —«Ой, мамочка!», он долго еще бродил по комнате, создавая эффект присутствия мамочки Зинаиды и дожидался возвращения дочери.

Надежда поправила пластины КФС в области сердца, обняла обеими ладонями телефон. Найдя абонента, активировала вызов.

– Сережа! Начинай со мной работать. Отслеживай моё состояние. – отбросила телефон, упершись подбородком в левое плечо, три раза плюнула в сторону и уже с другой интонацией высказалась: – Дорогой, через полчаса у меня начнётся операция!

Рядом со старушкой Разуваевой никого не было, но она, приседая на кромку кровати, ощутила жаркие объятия колен, три раза перекрестившись, брякнула:

– Давно я в бане не была. Надюша, ты с кем разговаривала?

Надежда просто ответила:

– Он, конечно, – не Господь Бог. Мой врач – экстрасенс

мысленно будет контролировать ход операции.

Старушка Разуваева обеими руками вцепилась в жаркие колени, вспомнив о берёзовом венике.

– Это бесплатно? – любопытно спросила, не отключая зрелый и опытный разум.

– Тёть Рая, бесплатный сыр в мышеловке. У нас обоюдные интересы.

Надежда без остановки начала читать лекцию о пользе и немислимых оздоровительных свойствах пластин КФС. Тётка Раиса не останавливала хлынувший на неё поток информации, только очень огорчилась, когда этот поток снёс на своём пути её мечты о берёзовом венике.

– Во что—то, конечно, верить надо. Ведь верить хочешь тому, кого любишь. Вот почему к старости верить остаётся только Господу?

Надежда, не ожидавшая такого каверзного вопроса от простой забитой повседневными заботами женщины, вынужденно остановила рекламную компанию, с неохотой переключаясь на иную, ей показалось, тему, вслушалась в рассуждения соседки.

– Долго к этому идешь. Веришь, любишь, потом не веришь, не любишь. Молодые всегда в поиске, всегда заняты. Сил на веру и любовь бывает не остаётся. К старости много разочарований накапливается. Через разочарование умные создают Бога внутри себя, опыт ведь никуда не выкинешь, его надо по достоинству назвать. Я глупая была всю жизнь –

больше веники вязала, на природу отвлекалась. С Богом ведь ещё и дружить надо, я не умею, поэтому мой бог хиленький, но даже со своим богом не могу я быть на равных. Вот в берёзовый веник только и верю. Он только меня и поддерживает.

– Почему все—таки в берёзовый веник, а не в Господа?

– Говорю же, милая, по Сеньке и шапка, по бабе и шлык.

Открылась дверь во всю ширь, впуская санитарок и тихую, но улыбающуюся Зинаиду в плывущем белом облаке. Призыв – «Ой, мамочка!» метнулся навстречу Зинаиде, помог ей перелечь на кровать, укрыл одеялом и незаметно для всех отлетел.

– Кто Облизалова? – громко выкрикнула худенькая черноволосая санитарка – водительница каталки.

Надежда удивленно якнула, вскочила с кровати.

– Раздевайтесь и на каталку!

– Хорошо, хорошо! Вот только звонок сделаю – своего врача на операцию приглашу.

Обе водительницы каталки переглянулись.

– Григорий Григорьевич уже в операционной! – громко, перебивая сомнения присутствующих, высказалась черноволосая санитарка.

Надежда уточнила:

– Я говорю про своего врача экстрасенса. Он уже здесь – со мной. Мысленно.

– Интересно, что он будет делать в операционной?

– Будет следить за операцией на расстоянии. Когда почувствует, что нужна будет его помощь – вмешается.

Старушка Разуваева хохотнула. У обеих санитарок дуги бровей надолго остались в высшей степени зафиксированными.

– Я тоже буду рядом, – услышала Надежда заботливый голос мужа. Он незримо пристроился рядом с каталкой и толкнул её в сторону жены. Обе санитарки бросились каталку останавливать, но она уже ткнулась в ноги Надежды. Даже это не отвлекло Облизалову от разговора, который она активно продолжала вести с незримым врачом.

Облизалова уезжала на каталке благодушной, окутанной заботой сетевого маркетинга мирового масштаба, заботой мужа, и было понятно, что ничто не помешает положительному исходу операции.

Старушка Разуваева немного посидела, понаблюдала за спящей Зинаидой, вздохнула глубоко и пошла в коридор пообщаться с кем—нибудь. Когда вернулась, то увидела Зинаиду, обложенную журналами и погруженную в чтение, поделилась с неё новостью:

– Зина, я поняла, – почему ваш Григ такой сердитый. Этой ночью чуть не умерла его любимая операционная сестра, говорят, что ей неудачно сделали пластическую операцию.

Зинаида не выдавая волнение, поделилась со старушкой своими переживаниями:

– Операционная мне не понравилась: серые потолки, бол-

тающиеся клочки старой краски. Операцию начинала какая—то Маша, но вскоре Григ её отстранил и зашивал сам.

Ввезли Надежду, лежащую ничком в белом облаке простыней те же санитарки. Они долго примерялись, чтобы приблизиться к кровати. Наконец, танец каталки остановил низкий окрик Надежды:

– Я здесь сойду. Держите каталку!

Она, полусогнувшись, сначала одну ногу опустила на пол, зацепилась одной рукой за кровать, другую ногу опустила, помогая ногами держать равновесие, поползла по кровати, напрягаясь и постанывая.

– Вот так мы, русские бабы и выживаем, – без зла но, точно обращаясь к главному свидетелю жизни, неявно присутствующему, высказалась старушка Разуваева. Ей меньше всех осталось мук перетерпеть. В этом она была счастливее соседок по палате.

Глава 4

Следующий день был более узнаваем и более расцвечен красками и ощущениями. С утра потеплели батареи отопления. Были слышны потуги появившихся сантехников – их рабочее ворчание. Начальствующие окрики слабо раздавались то где—то рядом, то вовсе издалека.

Ворвался как ураган в палату Григ, сразу скакнул к кровати Облизаловой. Строго спросил, обнаружив излишества

в её облике:

– Что это? – указывая подбородком на нечто темное на голове Надежды.

– КФС—любовь, – незамедлительно среагировала Надежда на излишнее любопытство Грига. Он понял и задал следующий вопрос:

– На спине лежали?

– Да, я же помню, – ответила ласково Надежда.

– Есть вопросы?

Казаринова, всегда помнившая о своей неотразимости, проявляя хорошую память, вякнула:

– Ну, вот кому плохо, что в палате и на душе теплее стало?

Григ только скосил на нее глаза, уже поворачиваясь на 180 градусов, махнул в её сторону рукой, словно бросил кляп ей в рот:

– Всё! – вышел, сердито захлопнув за собой дверь.

Григ не понял – он или его близнец бросил в Казаринову этот кляп, устыдился и за себя и за него, покраснел и отшлепал обоих повлажневшими руками.

Дверь немного приоткрылась, словно кто—то прислушивался к происходящему в тринадцатой палате. Казаринова и старушка Разуваева хохотали.

– Надя! Ты когда Григу лекцию прочитала про КФС? Похоже, он тебя понял.

– Надюша! А что такое КФС—любовь? Было похоже, что вы на одной с ним волне.

День начался с активного кукареканья. Старушка Разуваева словно по команде, приостановив утренний моцион, поторопилась на сходку к подружкам. У перевязочной уже стояла толпа больных Грига. В этот день операций не было, и Григ достаточно времени уделял каждому больному: шутил, объяснял, ободрял. Облизалова с Казариновой осматривали швы, пытаясь предугадать время окончательного заживления ран, и не торопились на встречу с Григом. Вернулась старушка Разуваева и, указательными пальцами показывая на двери, зашептала, отвлекая Зинаиду:

– Там гость хочет с тобой пообщаться. У него не получится телефон настроить. Я сказала, что ты всё можешь.

Зинаида, ничего не сказав, вышла в коридор. Среди прочих больных выделила худощавого мужчину, скромно подпирающего стену с телефоном в руках. На просьбу Зинаиды, внимательно всматривающейся в его лицо, подал телефон, попросил вместе с ним присесть, показывая на ряд сцепленных сидений вдоль стены. Зинаида, молча оценивала программную начинку, поинтересовалась:

– Телефон куплен с рук?

Мужчина ответил утвердительно.

– Проблема не в настройках, скорее заводской брак, – грустно высказалась Зинаида и телефон вернула.

Мужчина сказал «спасибо» и пошёл по коридору. Не успела Зинаида войти в палату, как услышала лай, вздрогнула и повернула на лай голову. Именно этот мужчина, сотрясаясь

всем телом, издавал нечеловеческие звуки. Зинаида не стала заходить в палату, осталась обдумывать ситуацию, которая требовала переосмысления.

Сашок выплыл на коляске из смежного коридора, как всегда приветливый и веселый. Зинаида интуитивно устремилась ему навстречу, отвечая на приветствие, поторопилась с вопросом:

– Александр! Скажи, будь добр, этот мужчина – шутник или действительно травмированный?

– Петушок?

– Да.

Сашок всмотрелся в обеспокоенное лицо Зинаиды и, утвердившись в совершенной безвредности любопытства, начал рассказ, надолго приковав внимание и старушки Разуваевой, неожиданно появившейся рядом.

– Есть такая деревня – Кукарека. Там семьями кукарекают, а в соседней деревне ещё и лают. Он родом из Кукареки или из другой, что рядом. С нашим следователем случилась по молодости история. Он девушку из этой деревни обманул. Мать девушки его прокляла, сначала он закукарекал, а потом и вся его родня.

– А лаять когда начали?

– Этой истории я не знаю.

– Не верю я в эти сказки. Ты, наверное, шутишь. А петухи и собаки в этой деревне не заговорили человеческими голосами?

– Надо подумать, – хитро подмигнул Сашок, прищелкнул языком и резво крутанул колёса коляски. Зинаида заторопилась на перевязку, оставив его со старушкой Разуваевой. Старушка за неделю присутствия в больничных стенах полюбила Сашка больше даже чем самых важных и нужных для неё людей, опережая всех, торопилась ему навстречу и могла до бесконечности с ним болтать на разные темы.

– Сынок, мне то уж скажи правду: с тобой – то почему беда случилась?

– Думаете, когда сам пойму – тогда беда к другому пойдёт? – ответил с неохотой погрустневший Сашок. – Или будете помнить и молиться за меня?

– Я мало и плохо училась, Саша, но всегда любопытной была, потому отметину на лице и получила. Ни одну молитву не знаю – сама выкарабкиваюсь, зачем Господу отвлекаться на ленивых.

Старушка лукавила.

Глава 5

Было дежурство Грига. По отделению гулял свежий ветерок, заманивая за собой сквозь приоткрытые окна коридоров отделения надоедливый шум автомобилей и их вкрадчивые и похожие на контрольные выстрелы гудки. Григ то и дело выходил из ординаторской: прислушивался к посторонним звукам, всматривался в полутемные лабиринты коридо-

ров. Уже и самой полночи надоело появление этого контролирующего существа в белом халате, и она выпустила на волю вечно закабаленный сон, и рассеяло его без труда среди белых стен, на парковке автомобилей, на зеленых лужайках и среди трепетной листвы молодых деревьев. Григ не смог утром вспомнить – как он оказался сидящим на подоконнике перехода в административное здание, но всё остальное помнил до жутчайших подробностей.

«Он смотрел в окно. По зеленой лужайке бегали блики от дорожных фонарей. Эти блики словно завертелись, закружились в водовороте. На лужайке объявилось что—то необычное. Летательный аппарат – мелькнула догадка. Серые фигурки отделялись от аппарата похожего на большое гнездо и стали окружать Храм. Каждая из фигурок прикладывалась к стенам совсем ненадолго, отстранялась и не дожидаясь друг друга возвращалась к аппарату. Чудеса! – подумалось Григу. Вмешательство посторонних сил его не возмутило и не напугало. Наверное, он более всех хотел подобного вмешательства. Записался бы он в подобный зеленый патруль? Скорее нет, чем да. Григ ощутил выпирающее изнутри громадное нечто, это ощущение сдавливало всё – и дыхание, и сердцебиение. Казалось и все кровотоки и малые, и большие замерли. Что происходит? – наконец, усилием воли он вытолкнул из себя этот мешающий комок, рванул на себя старенькую ручку оконной створки и выглянул наружу. Фигурки, снующие по лужайке, услышав скрип, спешно

сомкнули ряд и начали быстро заполнять «гнездо». Со стороны главных ворот послышался женский крик: – Эй, люди, помогите войти! Люди—и—и!

Фигурки замерли, Григу остро захотелось спрыгнуть на лужайку и побежать на этот голос раньше этих осторожных запрограммированных роботов, но он отстранился от окна и быстро зашагал по молчаливому коридору к посту. Схватил трубку телефона и набрал номер приемного отделения. Наконец, хриплый голос Михалыча отрапортовал готовность слушать.

– Михалыч! Что на территории происходит? Какие—то люди патрулируют, а главное, женщина помощи просит. Разберитесь! Я сейчас спущусь к вам!

Михалыч дакнул и замолчал. Григ как был в белом халате и белом, нависающем на брови колпаком, так и побежал на первый этаж спасать. Пока искали ключи с Михалычем, неожиданно исчезнувшие, пока пробирались к запасному выходу и выходили, прошло значительное время. Когда выбежали на улицу и обежали здание корпуса, у входа обнаружили почти в полуобморочном состоянии больную Облизалову. Она сидела на ступеньках, притуленная к стенке в позе полной расслабленности с замороженным выражением на лице. Григ наклонился, схватил руку, пытаясь нащупать пульс, ладонью другой руки шлепнул по лицу.

– Что Вы делаете! – капризно и плаксиво выдохнула возмущение Облизалова.

– Почему вы здесь, а не в палате? – грозно вопрошал Григ, упираясь лбом о стенку, попытался Облизалову подхватить под руки и поставить на ноги.

– Помоги! – выкрикнул, оборачиваясь на Михалыча.

Михалыч стоял спиной, и смотрел в сторону Храма и крестился: – Свят, свят, свят.

Григ и предположить такого не мог. Он отстранился от Облизаловой, спустился с крыльца, запинаясь на каждой ступеньке, пошел вперед с протянутыми руками. Купол храма отделялся, оставляя под собой светящийся бублик. Крыльцо полоснул пучок света, словно кто—то со стороны запечатлевал исключительный кадр на фотопленку.

– Видел? – спросил Григ, обернувшись к Михалычу.

– Нет, – в испуге ответил Михалыч и более утвердительно добавил – показалось что—то.

– Всем бы так казалось! – брякнула Облизалова. Она сначала стала на колени, потом, придерживаясь одной рукой за стену, начала подниматься.

– Видели? – снова спросил Григ, но, уже обращаясь к Облизаловой, естественным образом уходя в наклон, и помогая ей встать на ноги.

– Видели бы вы, что я видела, то не стояли бы или сидели, а лежали!

Григ не заметил перехода границы субординации. Вот так и образуются новые общественные или социальные группировки – отметил про себя.

Свидетели значимого события становятся родственниками, так образуются и мафии.— подумалось Михалычу. Но он всегда был против мафий, против всякой профессиональной семейственности, поэтому скривился как от зубной боли.

– Пошлите устраиваться на отдых! – зрело оценив навязанное состояние, высказал Михалыч и пошел открывать дверь, вдруг появившимся ключом.

Осознавая, что пропустил что—то важное, Григ возмутился:

– И где же этот ключ был раньше?

– Где? В кармане сапога – вот где. Забыл. Жена вчера карман этот выдумала. Я ж на улицу пошел – переобулся. Успел. От такого и память заработала.

– От какого? – Облизалова отряхивалась и тоже попыталась взять в свидетели Михалыча.

– Как вы, уважаемая, на улице оказались?

Михалыч держал открытой входную дверь и демонстративно шаркнул ногами, приглашая войти.

Вошедшие расселись в фойе приемного отделения на белые сиденья. Михалыч и Григ, понурые и демонстративно уставшие, ждали объяснений от Облизаловой, тем временем собираясь с мыслями.

– Я отпросилась к стоматологу. Отдохнула немного дома от процедур. Дождалась мужа, он приехал с работы поздно. Привез к больнице, и я его отпустила. Оказывается: все ворота закрыты. Целый час вокруг ходила, пыталась щели най-

ти, чтобы пролезть. Попыталась даже землю рыть под железной оградкой.

Григ видел, как заволновалась Облизалова, вспомнил о своей ответственности за больную, выпадом руки остановил рассказ.

– Тише, тише. Давайте спокойно пройдем в отделение.

По открытому рту и выжидательной фигуре Михалыча было понятно, что тому на сон грядущий очень хотелось получить повышенную дозу адреналина, прослушав, например, жуткий детектив или байку, но вспомнив о собственном здоровье, он одобрительно хыкнул и первым встал, торопясь поднять Облизалову с места. Григ поддержал ее с другой стороны. Надежда, встав, руки приподняла, отказываясь этим жестом от дальнейшей поддержки, отряхиваясь, разгладила обеими ладонями черную кожаную куртку по разводам принта. В тусклом свете коридора приемного отделения рисунок блеснул уникальным светом. На ладонях остались блестящие частички и странные борозды сероватого цвета. Надежда смотрела на ладони и размышляла, словно «упала» в воспоминания.»

Соседки не спали, ждали появления Надежды. Встретили её с наигранной обеспокоенностью.

– Надя! Ты почему так задержалась? Мы решили, что надумала остаться дома.

– Григ ведь на дежурстве, рискуешь! – вскрикнула Зинаида.

– Тише, девочки, давайте спать, – ответила недовольно Надежда, освобождаясь от одежды, осторожно навешивая её на плечики.

Увидев на обнаженной спине Надежды наспех сделанную перевязку, вскочила с постели старушка Разуваева.

– Утром увидит тебя Григ, то скандал закатит и всем достанется.

– Закатил уже, видите – живая. Я же проползала под оградкой и, кажется, даже на некоторое время от боли отключалась. Такое привиделось!

– Перевязку поправить надо, какая—то мешанина на спине и, похоже, рана инфицирована, – подошедшая Зинаида слегка отдернула кромку многоуровневого узора из коричневого пластыря на спине Надежды. Та замерла.

Соседки окружили, всматриваясь в спину, словно оценивали написанную художником—авангардистом картину.

– Ну, давайте уже, поправляйте. – Надежда стояла без движения.

Зинаида, оценив ситуацию, осторожно начала отделять уровни пластыря. Когда появился во всей красе шрам с разрывными краями и белёсой начинкой посередине, соседки издали испуганный протяжный вздох «а—а—а».

– Что там? – с тревогой спросила Надежда.

– Да нет, не очень страшно. Надо замаскировать поудачнее, чтобы лишних вопросов не возникало, но, дорогая, думаю, состояние раны Григу точно не понравится. – Зинаида

выбрала из кучи обрезков более свежие полоски лейкопластыря и осторожно начала накладывать их поверх бинта, – Не вздумай КаФээСы прилепить к ране!

Закончив перевязку, облегченно вздохнула.

Я в другие места их пристрою, – доложила Надежда и, пользуясь случаем, опять завела лекцию об уникальных качествах пластин КФС.

– КФС – Корректор Функционального Состояния копирует природные системы поддержания жизнедеятельности человека, нормализует его жизненные биоритмы, регулирует работу сердечно – сосудистой, нервной, эндокринной, иммунной, пищеварительной и выделительной систем...

Старушка Разуваева шаркнула по очереди о прикроватную ножку каждым шлёпком, разувшись, присела на кровать, немного поболтала голыми ногами в такт звучащего нравоучения и так же в такт побила подушку, прилегла, прижимаясь к обласканной подушке правой щекой, и с наслаждением вытянула ноги под шерстяным одеялом.

– Охота тебе голову занимать ерундой, – сказав это, зевнула, накрыла левой ладонью лоб и глаза и сразу же заснула, слегка хрюкнув.

Зинаида, не вслушиваясь в лекцию, понаблюдала – как Надежда готовится ко сну, тоже всем видом показывая несостоятельность ночного бдения – сказала: «Выключаю свет. Спокойной ночи!» – пошла к дверям, чтобы исполнить предупреждение.

– Вот так и останетесь – с болячками! – не изменяя преподавательскую интонацию, Надежда заспешила пристроить уставшее тело, увешанное коробочками КФС, на отдых.

Глава 6

Григ решил прогуляться. Постовую сестру предупредил – где будет находиться. Пройдя несколько шагов по длинному переходу в административное здание, он присел на широкий белый подоконник. Это место было недостижимо для камер наблюдения.

За окнами гулял ветер и срывал старые сухие ветки, они ударялись о стекла или об оконные карнизы и падали на запыленную снегом землю. Рябиновые гроздья без устале качались, и в этих качаниях можно было усмотреть и насмешку, и сомнение, и горечь. Тихие шаги отвлекли внимание. В дверном проеме перехода показалась Зинаида. Она постояла некоторое время без движения, словно ждала разрешения на каждый следующий шаг. Григ молчал. Не дождавшись реакции Грига, она насмелилась и все же приблизилась.

Как ему хотелось взять её за руки, посмотреть ей в глаза и сказать – «Я тебя ждал, я так долго тебя ждал». Но он не мог позволить себе подобных сантиментов. Он перестал быть мечтателем, за двадцать лет он научился быть жестким и хладнокровным, потому что таким он нужен был всем. Заговорила первой она:

– Гриша! Ты – такой чужой! – Зинаида прижалась к холодной стене, – Я знала, что ты именно здесь. Спасибо тебе!

Григ встал рядом с Зинаидой:

– Зина! Не думай, что у меня сложилось хуже, чем могло бы.

Поняв, что выдал затаенный спор с самим собой, поправился:

– У тебя, надеюсь, всё нормально?

– Какое нормально, если сюда попала!?

– Вовремя попала, да и свиделись, наконец, – Григ гово-

рил быстро и уверенно: – Звучит цинично и даже более – тебе спасибо! Ты всегда была моим маяком, – хитро подмигнул, – А то ещё будет!

Они молчали, долго молчали. Им обоим было приятно молчать и этим молчанием единиться...

Зинаида присела на холодный подоконник, Григорий сделал тоже самое. Они сидели в полуосвещенном коридоре перехода и болтали ногами, настраиваясь на одну волну в воспоминаниях. Падение лёгких комнатных тапок с ног Зинаиды, послужило сигналом – Григорий быстро встал с подоконника, со словами:

– Я узнал тебя, только когда стали зашивать рану, – наклонился, быстро и легко обул Зинаиду.

У Зинаиды от этого перехватило дыхание, она, не скрывая своего восторга, вскрикнула:

– Надо же! Я это поняла. Неужели я так изменилась? Согласилась с мыслью, что намеренно не узнаешь и даже хочешь досадить, а мне так хотелось тебя обнять.

– Когда на операционном столе лежала? Обнимай сегодня, не откладывай до завтра, – пошутил Григорий, дерзко взглядываясь и проникая взглядом в самую её глубь.

Зинаида молчала. Григорий ощутил себя юнцом.

– Жених—то жив?

– Все женихи живы! – уклонилась от должного ответа Зинаида. – Ты ведь женился раньше, чем я замуж вышла.

– Понятно же, что дураком был.

– А сейчас ты – величина, и жаль, что не я такую величину создавала.

– Может я от злости и стал хирургом – это очень даже возможно...

Григ вернулся в ординаторскую, некоторое время машинально перебирал папки с историями своих больных. Рассортировав их по номерам палат, выдвинул ящик стола и положил папки далеко вглубь. Стал разглядывать письменный прибор. Рука потянулась за ручками.

Он вытаскивал их по очереди и свойства каждой следующей проверял на клочке бумаги. Показалось, что он последний день выдержал в этом предельно фантазмагорическом мире и должен зафиксировать свое состояние, чтобы смочь пережить ночь с надвигающимися **ВРЕМЕННЫМИ РАЗРЫВАМИ**. Выбрал достойную подружку – красивую серебристую ручку с синими окрылками, и начал набрасывать рисунок. Поразмышлял над рисунком, сняв белый колпак, встал, подошел к окну, пристроил колпак на подоконнике, тут же одумался – схватил колпак и бросил его на стол. Сел, смял рисунок, потом начал мять белый колпак, но тот не поддавался. Оттолкнул колпак на соседний стол, схватил бумажный комок, поиграл им и, прицелившись, бросил его в стоящую в углу мусорную корзину. Попал! И успокоился.

Глава 7

Надежда, услышав свой храп, проснулась. Отодвигая к стенке одеяло, встала с кровати. Решила сразу же, – что в туалет не пойдет по коридорным лабиринтам, а зайдет в клизменную. Подойдя к дверям, щелкнула выключателем. Щелчок был глухим и нужного действия не произвел. Повторила щелчок. Снова полоса света в дверной щели не проявилась. Вспомнила требование старшей медсестры – ни при каких обстоятельствах не пользоваться данным служебным помещением. Начала бить кулаком по большой клавише выключателя, на счете «ПЯТЬ» перестала бить и, рассерженная безрезультативностью, открыла дверь во всю ширь.

Увидела на светлом круге стены проекцию двух фигур – мужчины и женщины. Парочка сидела на кушетке, переговаривалась. Собеседники даже не обернулись. В мужчине Надя узнала мужа Николая, женщину не признала, та была гораздо старше и её и Николая. Послышался и мужской голос третьего участника.

– Вот стоило ненадолго удалиться – началось чужеземное вторжение! Как вам это нравится?

Надя хотела вмешаться – но голос никак не прорывался изнутри, и она поняла, – ей дозволено только наблюдать, присела на кушетку рядом с мужем.

– Кто—то понял. А я нет. Какое вторжение? Они же по-

могли моей Надюхе!

Надя поняла, что Николай начнет рассказывать о случившемся с ней, прижалась к нему, словно боялась не услышать.

– А КаФээСы почему не помогли? – съехидничал третий голос, Надя напрягла зрение и, наконец, увидела лежащий между Николаем и женщиной березовый веник. Веник шелестел точно в такт озвучиваемых слов: – слышал, что корректирующие свойства в поведении в любое время производят. А оно вон как вышло – почти потеря памяти!

– КаФээСы она сняла, когда в стоматологию отправилась!

– Ну, ж я и говорю, все это чушь – даже зубы не стерпели подлога.

Женщина, до той поры молчавшая, осторожно высказалась, поддерживая беседу:

– Все могу понять, не пойму – почему десант инопланетян появился тогда, когда Надежда головой ушиблась?

– Никакие это не инопланетяне, а бандиты!

– Бандиты? – переспросил Веник, – почему они были в униформе?

– Что? Бандиты не могут носить униформу? – сам себе вслух удивлялся Николай, – любая операция требует жесткого сценария, а сценарий оформления. Спасибо только могу сказать. Помогли – подняли!

Надя помнила: как звала людей, как расчищала площадку от наросших глиняных взгорков, подлезла под оградку.

Словно прочитав мысли жены, Николай продолжил:

– Мужики бросились вытаскивать.

Надя пыталась вспомнить лица спасителей. «Лиц ведь не было! Какие мужики? – инопланетяне это были. Если бы не участливый крик, то точно в тарелку бы затащили, и где бы она сейчас была?...»

Вместо Нади хохотнул Веник. Надя поняла, что её мысли становятся достоянием общего собрания, забоялась своих мыслей – разом решив, что лучше бы удалиться. Вышла почти на цыпочках в коридор, подержалась обеими руками за голову. Вспомнила – зачем заходила, пошла по лабиринтам...

Валентин видел, как по коридору шла молодая женщина, держась за голову и немного постанывая. Он пошел ей навстречу, поравнявшись, чтобы увидеть лицо женщины наклонился, волнуясь, спросил:

– Что с Вами?

Женщина одну руку сняла с головы и, показывая в сторону дверей клизменной, сказала: – Там..., – снова приложила руку к голове, продолжила путь. Валентин проводил взглядом женщину, пошел по указанному направлению. Он подошел к двери осторожно, открыл её и так, держась за ручку, не заходя внутрь, с низкого порожка оглядел комнату. От слабого коридорного освещения мало что проявилось. Тишина комнаты, высвеченные предметы не привлекли внимания бывшего следователя. Он закрыл дверь, пожал плечами, остался стоять, чтобы дождаться странную женщину.

Надежда шла навстречу Валентину, держа руки в карманах цветастого халата. Было похоже: женщина окончательно проснулась; она выглядела вполне бодрой. Валентин спросил:

– Вы в порядке?

Надя узнала в мужчине Петушка, улыбаясь, ответила:

– Приставать, мужчина, нету смысла.

– Какие глупости! – ответил Валентин и, демонстративно отвернувшись от неё, направился в свою палату. «Но бывает и хуже» – признался себе Валентин, теряясь в темноте комнаты. Через некоторое время он вышел встревоженным. Навстречу, шаркая подошвами стоптанных сандалий, двигался сам Григ.

– Плохи дела у соседа – сильно стонет, – Валентин торопил Грига жестом, указывающим на соседнюю палату.

Григ, не вынимая рук из карманов халата и ничего не говоря, повернул на стон, доносившийся из открытых дверей палаты №7, вошел в темноту. Палата быстро осветилась. Через несколько минут он вышел, оттолкнул от дверей Валентина, устремляясь в направлении ординаторской; его крик прорезал тишину – «На операцию!»

Ожил коридор, наполняясь голосами, быстрыми шагами, бряцанием колес каталки и воем проснувшегося лифта.

Валентин остался стоять, но ему страстно захотелось поучаствовать в спасении соседа – влиться в этот профессиональный поток, стать живительным его ручейком, он даже

начал задыхаться от этого святого желания сопричастности, захотел ответственности и борьбы. Он, уставший от ответственности адвокат, уже десяток лет мечтал от нее освободиться. «Но – кому ее передать? Если бы был верующим, то не нужно было бы думать так. Ответственность не передают. Она сама удаляется к Создателю – откуда ее и направили».

Глава 8

Утром – сразу после завтрака красивая бойкая постовая сестра из тех редких медсестер, которым до всего есть дела, появилась в проёме дверей в иссиня белом халатике и звучным голоском пропела имя Валентина, затем сделав паузу, прокричала: – К вам пришла жена на свидание!

Валентин немедленно откликнулся. Постовая сестра уже спиной услышала этот отклик и мелкими шажками, на цыпочках, словно на коньках, побежала—покатилась дальше. Валентин забеспокоился: «Только что из дома, и вдруг жена...» Перебирая всех возможных посетительниц, не спеша побрел спускаться с пятого этажа. Сквозь стеклянную дверь лестничного проёма увидел супругу, других посетителей не было. Супруга одета по спортивному, улыбается игриво и выталкивает навстречу из—за спины черный дипломат.

– Подарок тебе, дорогуша! Не поверишь! Только давай выйдем на улицу.

Валентин берёт под руку Галину и они выходят на крыль-

цо хирургического корпуса.

– Оставить дома не могу. Придумай где сохранить, – Галина, плотно прижимаясь к мужу, потянула его за собой по скользким ступенькам крыльца.

– Что это? – с опаской в голосе высказался Валентин, рассматривая на ходу чемоданчик.

– Валечка, это – наш самый большой в жизни приз!

Галина поискала глазами укромное местечко. Среди кустарников с жухлой листвой увидела летнюю беседку, направилась туда, заманивая мужа. Они присели на лакированную лавку, пахнувшей заботой и вниманием. Валентин шумно вздохнул, прислушиваясь к внутреннему состоянию.

– Не буду подробностей рассказывать. Деревенские собрали кучу денег, – простучала дробь кулачками изящных пальчиков по блёклой поверхности дипломата, – конспиративно тихо, с расстановками, продолжила, – оказывается, долго деньги собирали для колдуньи.

Валентин заволновался, предвосхищая или опережая все остальные эмоции:

– Сколько раз говорил, что не буду я в такие дела ввязываться!

– Я же сказала – эти деньги для колдуньи! Но передать должен ты, потому что это касается нас. Пусть она, наконец, снимет с тебя своё проклятие. Вся ж деревня кукарекает. Мы – то в городе больше живем, а они устали жить каждый день в курятнике.

– И кто же это придумал?

– А сама, говорят, колдунья подсказала.

– Галина! – сурово остановил жену Валентин, – где деньги замешиваются, там ещё больше хаоса получается. Чертей выводить на свет божий?

– И в животе твоём тоже хаос образуется, когда ты сытый?

– Жива ли она? – Валентин сказал и испугался своего высказывания, исправился, – такое колдовство приведёт к серьёзным проблемам и у самой колдуньи.

– Давай, Валя, надеяться. Я съезжу на этой неделе и узнаю. А деньги пусть у тебя побудут, и ты подумай...

Она гладила его по руке, смотрела преданно в глаза, спокойно вслушивалась в его речь.

– Галя, зря ты их сюда привезла. Тут тоже обычные люди. Куда я этот дипломат запихну? – сказал, и сразу же на ум пришел ответ – «чемоданчик надо бы в сейф к Вениаминовне положить – так вернее будет. Высказался неопределённо: «Придумаю!»

Они распрощались волнительно, словно так и не нашедшие точек соприкосновения два любовника, надеющихся все же на следующую встречу. Она уходила по алее, иногда останавливалась, стараясь различить среди гудков автотранспорта знакомый лай, но лая не было.

Валентин шагал через две ступеньки на пятый этаж и размышлял, заглушая ворчанье. Открыл двери в отделение и подошел к двери кабинета заведующей. Дверь была запер-

та. Немного подождав, направился к себе в палату. «Собственно, а зачем обращаться к Вениаминовне? Если знает еще хотя бы один человек, то будут знать и особо доверенные лица... В люксе пристрою, сестрице—поломойке скажу, что бумаги важные. Всегда должны быть при мне». Внутренне засопровтивлялся означенному явлению действительности – «каждая бестия на рабочем месте корчит из себя королеву».

Он вошел в свою палату, осмотрелся, присел на кровать, мозоливший глаза, чемоданчик предусмотрительно обхватил ногами и задвинул его под себя. Поразмышлял, куда бы пристроить. Додумался, наклонился, извлек из – под кровати (совершенно недостойного места) чемоданчик, положил его на плательный шкаф и спешно обложил старыми журналами, оставленными всеми ранее лечившимися и своё время больными. «Буду я ёще докладывать. Вряд ли поломойки будут журналы ворошить.» Валентин посчитал в уме – насколько долго он может задержаться.

По коридору начали разноситься громогласные замечания – время операций закончилось. Уставшие хирурги возвращались в ординаторскую. Теплая волна благодарности окутала Валентина и, не спросив его, размножилась среди ожившего пространства. Если бы это были его деньги, то он нисколько бы не сомневался – подарил этот чемоданчик именно хирургам. За все обманы чиновников, за все ошибки администраторов, за все оставленные невыполненными обязательства и обещания прохиндеев и, конечно, за величай-

шее бесстрашие. Поняв, что в своих мнимых благодетельствах поднялся слишком высоко – несоразмерно своим возможностям, одумался и приземлился – «легко чужим распорядиться так, а вот если бы действительно было моим...». Загрустил.

Вениаминовна появилась в дверях палаты №6, видимо, почувствовав сложное психологический состояние своего подопечного. С уверенностью, что только она может поставить правильный диагноз, прошла в палату.

– Валентин Юрьевич! Видела Вашу супругу. У Вас все в порядке?

– Скажите, Софья Вениаминовна, когда меня выпишите?

– Вы торопитесь? Гистология только через неделю будет. А если положительная? Поэтому ничего от нашего желания не зависит.

– Вы мне разрешите отсутствовать иногда?

– Только, пожалуйста, носите головной убор! – Вениаминовна все время держала руки в карманах до боли белого и аккуратно—отглаженного халата, оглядела палату. Увидев большую горку журналов на плательном шкафу, спросила:

– Вам, Валентин Юрьевич, нужен этот хлам?

Валентин готов был взорвался от негодования, в горле заклокотало и стало оформляться в нечто, он заторопился остановить и это нечто и от лишних действий заведующую.

– Какой же это хлам, много чего интересного, все время просвещаюсь.

– Понятно, приятно. – Сказала Софья Вениаминовна. Первое слово благодущия было обращено к Валентину, второе к себе, потому как Валентин был на удивление спокоен.

Глава 9

Бабка Пулечиха о ста восьми законах, управляющих Вселенной, когда—то слышала, но вот как информация в память попала – вспомнить не могла, и это её тревожило. Еще тревожило число законов. «Почему сто восемь, а не те самые – десять заповедей или сто?» – она включила телевизор и переключила на программу НТВ, которая больше всех её в последнее время интересовала. Мистические истории помогали ей управляться с домашними заботами, делали их менее будничными и более значимыми. Сама жизнь вокруг становилась значимой и осмысленной. На экране увидела новых героев – экстрасенсов. Упрямо вслушалась, гремя кастрюлями, разговаривая со всем движимым и недвижимым имуществом. – Скажи—ка нам: кто придумал эти законы, где их записал, и кто их утвердил? – обратилась к телеведущему, очень уверенно объявлявшему новое необъяснимое явление – «новый закон: в двери стучиться?»

Была суббота. Внук Сергей объявился неожиданно. Зашел в дом неслышно, подкрался сзади, сначала обхватил руками и приподнял Пулечиху, потом осторожно опустил на пол и повернул к себе лицом. Хрупкая и испуганная фи-

гурка никак не сопротивлялась разнузданности взрослому внуку. Пулечиха поняла, что не спроста он её наведаль. Сергей бросил на стол большой пакет с гостинцами. На цветастую клеёнку вывалились конфеты, фрукты. В дорожке утреннего задиристого света натюрморт смотрелся нереально изысканно! Эта картина так растрогала Пулечиху, что на первую же просьбу – «Бабусек! Помочь знакомой надо – поколдовать!», она ответила согласием, усаживая на лавку рядом с собой. Слегка пожурила внука:

– Каждому рубашку не отдашь, в чем—то и остаться нужно!

– Бабусек! Этой женщине я обязан.

Было видно, что Сергей искренне хотел проявиться особенным в глазах своей бабушки; он встал и заходил по горнице, безмолвно замахал руками.

– Удивить её хочешь? – остановила его метания Пулечиха. – Матери не говори, что я вмешивалась. Нельзя мне – покаяться я. Болячка у её дочки исчезнет. Больше ничего не скажу. Как можно тревожить мои сухие мозги? Только вот в следующий раз поищи у себя в интернете сто восемь законов Вселенной.

– Может, лучше «тайные знания»? А как поняла, что нужна помощь её дочке?

– Тайные знания? И такое есть?

– Да, бабусек, это сейчас называется эзотерикой?

– Ты што ли интересуешься? А надо ли тебе это?

– Бабусек, если человек старается жить в согласии с собой, анализирует свою настоящую суть и пытается жить в мире духовном, готов понять истинные первопричины страданий, неудач или успеха других людей, не разрушает себя и других, значит, являясь эзотериком.

– Внучек, складно говоришь, а жизнь то от нескладухи начиналась. От боли и от страданий. Дар дается, а не берётся. Вокруг тебя не посеянное поле пока...

Пулечиха своим цепким умом снова загнала «в угол» своего внука—интеллектуала, но он все же возразил:

– А как же, бабусек, твоя любовь к порядку?

– Вот привезешь мне эти сто восемь законов, тогда и объясню.

На следующий день Сергей даже дров наколот и аккуратно разложил ближе к крыльцу. А к вечеру Бабка Пулечиха уже выпускала внука за хлипкую облизанную многолетними дождями и выжженную солнцем изгородь, погладив по гладкой мужицкой руке, задержавшейся на гребне калитки.

– Дочь совсем меня забыла. Скажи, пусть приедет.

– Бабусек! Ты же знаешь – она человечество спасает. Куплю машину скоро, с ней приедем и тебя заберём в город.

– Вижу по телевизору – как вы в городе в машинах прячетесь от жизни. Где черт не сладит, туда бабу пошлёт, а машина для мужика стала главной бабой в семье. Не торопись мимо жизни проехать, внучек.

Провожала Пулечиха внука тоже с гостинцами. Сергей

отказывался, но упрямым и уверенным действиям бабушки не смог противостоять – понял, что это бабушке очень нужно. Она будто расплачивалась за огрехи.

Калитка на прощанье издала протяжный скрип и «застегнулась».

Действительно, после проводов внука села и начала себя корить: «Получается, я не лучше этих самоуверенных экстрасенсов. Кто же вам нашептал, что вы лечить можете и должны? Как можно заглянуть в будущее? Очень хочется увидеть счастливую жизнь внуков и успокоится и доживать с легким сердцем. Кому это дается? Мне не дано. Может, мне жить до ста восьми лет и все самой увидеть – поэтому число 108 вертится, а мне нужно только согласиться с этим.»

«...Она одна где—то там – в небесах или у самой земли, но в полете. Она или птица или рыба или человек. Предупреждающий все эмоции страх борется с любопытством. Она оглядывается. Небо таит опасность. Видит несколько приближающихся аппаратов, похожих больше на акул. Они далеко, но приближаются. Паника в ней, паника в, окружающих её, сущностях. Засверкало небо, и словно зажглись лампочки на темном небе, образуя буквы. Она читает и понимает, что это предупреждение об опасности и нужно всем что—то предпринять. Внутри себя услышала щелчок, попыталась отлететь от опасности подальше и спрятаться, но это нужно было делать сообща со всеми сущностями...»

Пулечиха снова и снова проглядывает нечеткие картинки

памяти и даже пытаюсь их озвучит, выключает телевизор.

– Помолчи маленько, – садиться у окна. Воспроизвести звуки не успеваешь, но соглашается с донёсшимся предупредительным лаем, Найда крутится на месте, звенит цепь. «Все правильно. Так все и может быть. Как такому можно припятствовать?» Садиться за стол у окна, ставит перед собой маленькую кастрюльку с кашей, дотягивается до гранёного стакана, среди стоящих в нем приборов, выбирает любимую ложку, начинает есть. Взгляд побежал по ограде, остановился у нарушенной изгороди, разделяющей палисадники. «Опять соседи мусор к моей изгороди набросали!» Пулечиха всегда сердилась на молодую соседку за беспорядок, но всегда выходила и разбирала мусор, пытаюсь каждому предмету найти достойное применение. «Знают же мою слабость, свою лень холят, а мою воспитывают», – но всегда, здоровалась с соседкой, кланяясь при встрече и обиду не высказывала.

Опять мысленно поблагодарила соседей за кучу мусора. Опять у нее появилась работа – то самое творчество по превращению ненужных предметов в нужные. «Вот, наверное, потому мне господь и продляет жизнь. Больше ведь таких – кто бездумно труд других обесценивает, а таких, как она, любящих порядок, мало. Нарушают закон. Каким по счету законом он считается среди этих ста восьми? Успею ли заслужить право – заглянуть в будущее своих внуков? И по какому закону это случится?»

Найда залаяла злее и громче. Громче задвигалась собачья

цепь. У ворот появилась женщина. Она хорошо одета и пытается открыть калитку. Пулечиха наблюдала, держа ложку на весу, всматриваясь в гостью, попыталась её узнать, отставила кастрюльку и положила ложку на стол, нашла тряпку из тех, что всегда на кухне под рукой, и стала протирать ею стекло, продолжая всматриваться в происходящее. Женщина уверенно открыла калитку и вошла во двор. Собака перестала лаять, вдавливая хвост в ледяную горку, на которую присела, встала навстречу гостье и начала ластиться.

«Вроде, не соседка. Кто ж ты такая и што тебе надо? Мне бы твою смелость!» Она сама никогда не навязывалась – не ходила по гостям, и свое любопытство, которое выливалось «через край», чаще удовлетворяла собственными умозаключениями или догадками, реже в беседах с односельчанами, с которыми встречалась по дороге в магазин или при очередном походе по окрестным местам в поисках лекарственных трав – «живительных сил».

– Какая смелая! Судьба идёт к смелому навстречу.

Гостья посмотрела на окно, и поняла, что встретилась со взглядом хозяйки дома. Пулечиха присела на стул, ослабев. Женщина махала рукой, показывая на крыльцо, и бабка поняла, что та требует выйти.

«И здесь нашли, окаянные, видно, что из городских!» – высказалась с неудовольствием и пошла в сени открывать дверь.

Женщина стояла на первой ступеньке крутого крыльца,

слегка запыленного снегом, улыбалась так, как улыбаются люди, переполненные добротой, обладающие неограниченными запасами этой растрачиваемой и всегда восполняемой энергией. От этой улыбки у Пулечихи перехватило дыхание, она словно конкурентку увидела.

«Какой мусор ты принесла?» Порывшись в памяти некоторое время, высказалась:

– Какими судьбами, милая, в наши края? – спросила и жестом сухоньких рук пригласила войти, – Входи, коль пришла.

Гостья смело обошла Пулечиху и так же смело вошла в открытую, пахнущую свежей краской дверь. Собака загремела цепью, напоминая о себе, словно требуя запроса на дальнейшее поведение, услышав голос гостьи «Извините, может не вовремя?» – расслабленно прилегла на крыльце и погрузилась в тревожный сон.

Пулечиха прошла к окну, гостье разрешила сесть на табурет, всегда ожидавший кого—то из родных. Убранство комнаты не удивило – все стареющие люди становятся неприятными. «Не все только соблюдают чистоту и порядок», – подумалось Галине. Со второго поворота головы в глаза бросился большой телевизор. Он был главным предметом интерьера. Следя за взглядом Галины, Пулечиха усмехнулась.

– Окромя собаки, это – главный мой друг, – высказалась в присесте, наконец, с шумным вздохом села, так же шумно выдохнула.

Гостья заторопилась начать разговор.

– Скажите, а где ваша соседка? Второй раз приезжаю – не могу застать. У меня срочное дело к ней. Когда её можно застать?

«Какая ты, милая, изворотливая! Не в свой ты день пришла!» – подумалось уставшей Пулечихе.

Все чаще Пулечиха стала получать опоздавшую благодарность. И колдуньей называлась, и ворожеей, и каркающим вороном завистниками или недругами; сейчас они торопились отмыться – навязчиво искали с ней встреч, чтобы обезопаситься на грядущие дни.

– Мужа хочу расколдовать! История давняя и она к ней имеет отношение.

– Как звать тебя? Давеча смело зашла, смело говоришь, а муж – почему робкий? Много крадет? Не тот вор, что хорошо крадет, а тот, что хорошо концы хоронит.

Гостья поняла, что бабка пыталась определить её статус – её тестировала, немного поёрзала на месте, назвалась:

– Галина – я!

– Двух обещаний в день не даю и в уме лишние задачки не держу, – опередила намерения гостьи Пулечиха, вставая со стула. – Иди, милая, иди, – Так приговаривая, она невидимой усталостью словно выталкивала гостью из дома. Галина, никак не показывая озабоченности, аккуратно встала и повернулась к дверям, вписавшись в дверной проём, помахала рукой. – До свидания! Постараюсь в свой день прийти!

– До свидания, дочка! – сказала бабка ей вослед. – И вор богу молится, да чёрт его молитву перехватывает.

Проходя мимо соседнего полисадника, Галина увидела на скамейке у ворот молодого кряжистого мужчину. Тот наклонил голову, будто не хотел, чтобы Галина его узнала. «Очень похож на вышибалу», – подумалось Галине и, эта её вылазка не показался ей безобидной. Скрип свежего снега заставил оглянуться: мужчина стоял, широко расставив ноги, курил и смотрел в её сторону. Сделала два шага, поправила сползающий с затылка платок и снова оглянулась, придерживая платок у подбородка. На улице никого не было, только задиристый лай бабкиной собаки и ответного глуховатого лая сотрясал с берёзы легкие облака снега

Глава 10

На жестяном белом подоконнике палаты №13 шумно отплясывали голуби танец под тайным названием «хочу – дай-те», а каждая из женщин приводила, не отвлекаясь на призывный шум за окном, в образцовый порядок себя и свою маленькую территорию. Надежда, снимая с себя чудодейственные коробочки, недосчиталась одной КФС, похоже, самой целебной. Она торопливо начала разгребать кроватное имущество, вытряхивать вещи, снимаемые с кроватных спинок, и озираться по всей комнате, даже не поленилась заглянуть под все четыре кровати – КФС не было. Вспомнила, что но-

чью бродила по коридорам, объяснив соседкам свою озабоченность, заторопилась – пошла на поиски. Увидела Валентина; он стоял, прислонившись к стене и радостно улыбался. Надежда сразу же заподозрила его в свидетельстве ее пропажи.

– Мы же с вами ночью встречались, – сказала уверенно, – Вы черную коробочку здесь в коридоре не находили? Эта КФС – самая важная для моего здоровья! – И как подобает высокооплачиваемому даровитому пропагандисту – агитатору, сразу же включилась:

– Лечебным фактором в КФС выступают информационные блоки и поляризация лечебных трав растений, записанные на магнитные носители КФС, а также образы водных кристаллов Массару Эмото. Являясь низкоинтенсивным генератором продольных волн, Пластины Кольцова преобразуют внешнее электромагнитное излучение в безопасное для здоровья. Защищают человека от вредного воздействия электромагнитных полей мобильных телефонов, компьютеров, СВЧ печей, любой бытовой электротехники

– О как! А Вы, дорогая, в клизменую не заглядывали? Там я вчера что—то видел, подумал, что телефон кто—то оставил.

Они пошли вместе. Надежда агитаторской даровитостью так заколдовала Валентина, что тот следовал шаг в шаг рядом с ней и слушал... слушал... Когда понял, что может превратиться в тень своей новой знакомой, приостановил-

ся. Они уже были у дверей клизменной комнаты. Надежда кулаком левой руки стукнула по клавише включателя. Руку Надежды тут же перехватил Валентин и помог опустить, легко большим пальцем правой руки шаркнул по клавише включателя. В щели слегка приоткрытых дверей образовалась полоска света и Валентин, оттолкнув дверь ногой, вошел. Оглядел кушетку, наклонился и заглянул под неё. Увидел черную коробочку и показал на нее, стоящей в дверях Надежде. Та резко толкнула дверь, подошла и, наклонившись, коробочку подняла.

– Совсем обнаглели, уже парами в клизменную ходят!

В дверях стояла старшая сестра—хозяйка и буквально созывала всех своим ором.

– Я лечебный аппарат свой здесь потеряла. Вот нашла, – Надежда все же растерялась под натиском громогласного осуждения – застыла с черной коробочкой в руках и с виноватым выражением лица. Валентин, не обращая внимания на Любу, коробочку из рук Надежды взял и стал рассматривать.

– Выходите уже, помещение готовить нужно! – не меняя интонации, опять проорала сестра—хозяйка, посмотрела по сторонам.– И что всех сюда тянет? Медом намазано что—ль?

– Что—ль! – в один голос вякнули не виновные, и смело по очереди вышли в коридор, оттолкнув старшую медсестру и удаляясь каждый в свою сторону на безопасное рассто-

яние.

Надежда вошла в палату, подошла к своей кровати и, бросив в общую кучу найденную коробочку, присела рядом с этой кучей.

– С Петушком нас старшая медсестра застучала, – сухо констатировала, не дожидаясь реакции соседок, захохотала. И так – хохоча, рассказала о своем приключении.

– Лишнее имущество – лишние хлопоты, – сделала простой вывод Зинаида.

– Петушок—то не прокукарекал – когда не надо? – спросила кого—то старушка Разуваева, отряхивая подол цветастого фланелевого халата, – Все же – стресс!

Надежда задумалась, пытаясь вспомнить поведение Валентина.

– Не припомню.

– Наверное, твоя коробочка его враз исцелила, – опять выдала «на гора» ехидство старушка, – может и вправду чудодейственная сила в ней проснулась, пока в клизменной лежала да отдыхала.

– Кто лежала—отдыхала? – с опасением в голосе спросила Надежда.

– Я про коробочку. А ты про што?

– Тоже про коробочку, – ответила Надежда, ставя интонацией жирную точку в разговоре.

В этот день, действительно, кукареканье Петушка ни разу не отвлекло больных отделения от обыденных процедур.

Глава 11

Валентин вернулся в свою палату «люкс», в глубокой задумчивости подошел к плательному шкафу, освободил чемоданчик от журналов, обоими руками прижал к телу черную гладь кожи. Подождал ощущений, упал с этим чемоданчиком на кровать и замер так, — держа его на груди. Почувствовал толчки, исходящие то ли из недр чемоданчика, то ли изнутри уставшего от боли своего тела. Почему—то только толчки. Боли нет! Боли нет! — он кричал туда — в недра своего тела. Попытался легкую боль создать: затаил дыхание и начал выдыхать, пытаясь протолкнуть к больному месту невидимый поток энергии. Слово иглами прошила боль затылок и сразу же затихла. Понимая, что долго так лежать нельзя, встал и начал чемоданчик прятать среди вороха журналов...

Зина видела быстро идущего по коридору Петушка. Он шел пружинистой походкой и озирался, будто кого—то искал или боялся встретиться с лишними свидетелями. Видела, как он наткнулся на Сашка, уже давно выполняющего песенный променад; тихо говоря ему что—то, пристроился сзади коляски и покатыл эту коляску в свою палату «люкс», совершенно не вихляя.

В палату Валентин никого из любопытных не пускал; каждый, кто выходил из перевязочной, почему—то шел к дверям его палаты и пытался приоткрыть дверь и заглянуть,

но Валентин опережал желание любопытных – двери каждый раз наглухо закрывал. «Интересно: что же они там делают?» – возмущалась старушка Разуваева, её поддерживал «синий бархатный халатик», метавшийся вместе со старушкой у дверей палаты №6. Исчезла раздатчица с каталкой, очередь на перевязку рассосалась, а Зина всё стояла и следила за волнениями вокруг палаты Петушка.

Выглянул из палаты Сашок, резво взнуздан свою коляску в дверном проёме, выкатившись, притулился к косяку и запел. За ним вышел взъерошенный улыбающийся Петушок, он с наслаждением прижался спиной к стене. Наконец, до Зины донеслись четкие фразы:

– Будем считать это простым совпадением, – выговаривал Петушок. – Ты, Сашок, вечером приходи. Ещё поддержишь КЭФЭЭС. Только никому не говори.

Когда фигура исчезла за дверями палаты №6, Зинаида не поленилась – подошла ближе к Сашку, тот держался бодрячком и демонстративно любезничал с «синим бархатным халатиком». Зина, дослушав фразу Сашка: «...два пути, придется выбирать: либо излечиться, либо в дурдом попасть. Лучше первое, но всего реальнее второе...», полезла со своими тревогами.

– Петушок, похоже, по степени популярности встал вровень с Надеждой? Встреча в клизменной комнате оказалась заразной.

Ничего не расшифровывая, а удовлетворившись повы-

шенным к ней интересом обоих собеседников, повернулась и пошла в свою тринадцатую палату.

– Что это было? – спросил Сашок у «синего бархатного халатика».

– Тоже заметила странные явления повсюду. Но для меня главная тема – Григу понравиться.

– Зачем? Он что – главный сортировальщик в здоровый Мир?

Сашок из веселого превратился в рассерженного, но ощутив всей спиной, покой и удовольствие, переродился – усоветился, уйдя во внимание.

– Надоели сопли вокруг, а Григ – настоящий мужик, вот!

Глава 12

Наконец—то, все хирурги отделения собрались в ординаторской. Дары от родственников больных сегодня были скудными: бутылка коньяка, бутылка водки и небольшая коробка конфет «Ассорти». Алекс ходил за Вениаминовной, уговорил её прийти. Вернувшись, он достал из большого пакета, принесенные из дому упаковки с бутербродами, аккуратно разложил на столе. Григ и Борис тут же водрузили на стол дары. Вениаминовна вошла тихо, стояла и наблюдала за действиями мужчин, оценив на «хорошо!», усилила ощущение: – Приятно, когда мужчины у стола суетятся.

– Это наш крест, и именно здесь, – вставился верткий

Алекс.

– Столовая ведь напротив ординаторской, но как в ней объявишься со своими вкусами и предпочтениями? – озаботилась проблемой Вениаминовна. Понимаю: в кафе тоже неудобно, да и многолюдно, а времени у хирургов на прием пищи никогда не бывает. Что делать?

– Пока нас подкармливают – проблем нет, – отшутился Борис – любитель сладкого и оглядел свою необъятную фигуру.

– И все же, по какому случаю трапеза? – вынимая руки из карманов идеально выглаженного белого халата, спросила Вениаминовна и приблизилась, наконец, к столу.

– Ухожу в отпуск и еду присматривать новое местожительство, – виновато проговорил Алекс и начал наливать водку в чайные чашки.

– Это место на карте обозначено? Давайте погадаем! Алекс в Австралию подается! Работу не бросишь? – нацеливаясь на сытный бедерброд, высказался очень голодный Григ и выдернул бутерброд с красной икрой.

– Нет, лучше Черное море. Зачем традицию нарушать. Косточки погреть не мешало бы, – посоветовал Борис, открывая коробку с конфетами.

– Ради сына можно и в Канаду! – высказалась всегда далеко смотрящая Вениаминовна.

– Такой переезд побегом называется. Американцы Сибирь делят с китайцами, а мы американские континенты

от наводнения ринимся спасать. Они сюда, а мы туда? – это говорил Алекс, – родственники на Азовское море приглашают.

– Жить или в отпуск? – полюбопытствовала Вениаминовна, ещё надеясь на отступничество Алекса.

– Понравится, то совсем останусь. Гостиничный домик выстрою, вас буду собирать. Заделаюсь гостиничным мэтром. Руки вот начали дрожать – другую деятельность нужно выбирать.

Голоса из коридоров отделения тему остановили. Вениаминовна ринулась из ординаторской на крики.

Группа больных собралась на перекрестке двух коридоров. Мужчины пытались поднять упавшего с коляски Сашка, две женщины тоже тянули руки, чтобы ухватить упавшего и даже соперничали – отталкивали одна другую.

– Что происходит? – подошедшая заведующая всмотрелась в героев.

– Чудить начал Сашок – слишком резко кататься, вот и упал, – сказала участливая старушка Разуваева.

Вениаминовна, отстраняя всех соперезживающих, наклонилась над Сашком. Тот двусмысленно улыбался и пытался встать на корточки.

– Все в ажуре! Вениаминовна! Не получится у Вас – меня залечить. Я выйду на своих ногах и без болячек!

– Только прославите меня, – подхлестнула фантазию Сашка Вениаминовна – жестом разрешая мужчинам Сашка под-

нять.

Сашка водрузили в коляску, и он снова начал неуёмно резвиться – кататься по коридорам и орать песни.

Вениаминовна сделала отмашку всем, вернулась в ординаторскую.

– И откуда у Александра Заварухи такие положительные эмоции взялись, такая неуёмная энергия? Не пойму. Утром же совсем заскучал.

– Скучным он никогда не бывает. Может допинг принял? – Борис показательно скосил глаза на наполненный до края стакан, взял левой рукой рядом стоящий пустой стакан.

– Для Вениаминовны повторяю упражнение. – Правой рукой приподнял наполненный стакан выше уровня глаз и начал переливать в другой. Прозрачная струйка весело играла то с одним стаканом, то с другим под общий громогласный счет.

– Теща каждый день для снижения давления процедуру эту выполняет. Тридцать переливаний нужно сделать, и желательнее соблюдать правила: между сосудами разрыв не менее тридцати сантиметров и разливающая рука выше головы. Выпивает столько, сколько осталось в стакане.

– Воду? – спросила Вениаминовна.

Григ усмехнулся и высказал уже усвоенный урок от прежней демонстрации, которую преподавал Борис в отсутствие Вениаминовны: – Даже болячка неважна, а важен стимул!

– Может, потому у остальных и руки не дрожат, – прозрела Вениаминовна.

Григ от пережитых встреч тоже целительный допинг принял: уже три дня ему не хотелось спать, а хотелось работать и работать.

Хирурги разошлись быстро. Опустела ординаторская, и только белый накрахмаленный колпак Грига остался на самом видном месте караулить трапезный стол.

Григ, выйдя со всеми из ординаторской, сначала направился в противоположную от всех сторону – вдоль по коридору, опомнившись, повернул назад, дошел до кабинета заведующей, шаркнул двумя ногами, словно отцеплял прилипшую грязь, постучал в двери, только что впустившие хозяйку – Вениаминовну.

– Софья Вениаминовна, извините за вторжение, но очень назрело: узнать хочу – что строят напротив нашего корпуса? Слышу от больных разговоры, что Часовеньку.

Вениаминовна, тяжело внедрявшая свое немолодое тело в узковатое для её фигуры кресло, приостановилась, отрешенно произнесла:

– Не знаю, не знаю. Может быть. Ведь все остальные больницы давно имеют оплот ответственности. Пока эта ответственность лежит на главвраче, да на небольшой молельной комнатке. – Вениаминовна так и не сев в ожидавшее её теплоты бежевого цвета кресло, уже извинительным тоном аудиенцию старательно заканчивала:

– Вы ведь тоже можете её посещать.

Григ, стоя, поразмышлял над сказанным и шагнул к окну.

Там, за окном, шел строительный процесс обычным рабочим порядком. На верхней площадке строящегося объекта, окольцованной деревянной опалубкой, сновали рабочие в оранжевых касках и в робах стального цвета; они немисливо изворачивались, пробираясь между прутьями арматуры, как между пиками, переговаривались с рабочими самой нижней площадки. Внимание Грига привлекли никак не разъезжающиеся две машины—бетономешалки; они то наезжали друг на друга, то, давая задний ход, уступали дорогу на узком перекрестке. Лужа—провал после встречи машин расползлась на весь перекресток, под устрашающее гудение машин она уменьшалась в границах; перекресток становился более удобным для проезда, и снова машины начинали движение навстречу. Рабочие замерли, как и Григ, тоже с любопытством наблюдали за соревнованием бетономешалок. Разом замахали, закричали, стали собираться в группы. Григ вспомнил своё дежурство в ночь, от мысли – «как бетономешалки похожи на летательные аппараты» он вздрогнул, от окна отошёл.

Вениаминовна сидела, перебирала бумаги. Григ сказал: – Ведь строится же! – и шагнул в открытую Сашком дверь, и уже спиной услышал: «Софья Вениаминовна! Отпустите на выходные домой! Пожалуйста! Я вернусь!» и лихой при свист и мягкий удар колёс об стену.

Глава 13

«Синий бархатный халатик» стояла у двери палаты «Люкс» в терпеливом ожидании. Подкатился Сашок, напевая вдохновенно «Крутится, вертится шар голубой...».

Сашок постучал в дверь палаты №6, подзывая уклоном головы к себе «синий бархатный халатик». Двери открыл Валентин с довольной улыбкой.— Ты предупредил её? — спросил он Сашка, кивнув головой в сторону «синего бархатного халатика», услышал мурлыкающий голосок правообладательницы:

— Очень любопытно! Обниматься люблю — судьба — злодейка — паразитка, заставляет!

В палату сначала въехал Сашок, затем Валентин угодливым жестом предложил войти соратнице Сашка, поозирался, прикрывая дверь за вошедшими. В коридоре осталась только одна любопытная — старушка Разуваева. Она очень ревностно относилась к соперницам в борьбе за внимание Сашка, поэтому отслеживала каждый его шаг, вернее сказать, каждый вращательный взмах руками. Она встала у косяка дверей палаты №6 послушать, но ничего не доносилось из—за двери. Старушка загрустила и, с этой грустью на лице и повязкой в пол—лица пошла бродить по переходам больницы. Выходя из отделения, увидела женщину, очень похожую на жену Петушка. Та строго посмотрела ей в лицо и, увер-

нувшись от удара дверьми, заспешила по коридору в сторону палаты «люкс». Старушка Разуваева дождалась, когда она поравнялась с дверью – виновницей неизвестного ей действия и последовала к месту возможного скандала. Женщина стучать не стала, резко дверь дёрнула, и сразу же старушка услышала —«Ах!»

– Я тебе всё объясню, – вылетел вместе со своим выкриком Валентин. Он торопливо прикрыл дверь, но подоспевшая старушка успела увидеть странную картину – «синий бархатный халатик» сидела на кровати, перед ней коляска с Сашком, и они оба обнимали черный чемоданчик, словно отбирали его друг у друга. Чтобы не было пересудов по зримому старушкой действию, Валентин пояснил любознательной старушке: – У нас, бабушка, свой КаФээС. Они лечатся, не будем мешать, – сказав это, он закрыл дверь и увлек за собой в уединенное место – на лестничную площадку жёну Галину.

– Виделась? – спросил Валентин, присаживаясь на белую гладь подоконника.

Галина смотрела на Валентина и молчала, он, не дождавшись ответа начал объясняться.

– А я видел сон: хожу по большому залу аптеки и высматриваю в витрине нужное лекарство. Спрашиваю у провизора через маленькое окошечко; лица отвечающей женщины не вижу, а только слышу знакомый колдовской голос её: «Ваше лекарство готово – на столике лежит Корректор Функци-

онального Состояния». Смотрю на столик, где обычно тонометр лежит – лежит черный дипломат. Я открываю дипломат, и вижу много мятых и грязных пятитысячных купюр, но они на удивление пахнут свежестью, как пахнет арбуз или свежескошенная трава и понимаю, что именно эта благодать меня излечит, – добавляет: «Понимаешь, когда проснулся, то понял, что главное в жизни лекарство – честный труд и его эквивалент – чистые деньги. За два дня шрамы на голове заросли—к чемоданчику прикладывался. Не поверишь, Сашку лучше стало – у него на спине от одной процедуры шрамы затянулись».

– А у мадам—то в каком месте шрамы затягиваются? – строго спросила мужа, присаживаясь рядом.

– У нее самый сложный случай, поверь. Ты самого главного не заметила – у меня нормальные звуки и днем и ночью.

Действительно, пока Валентин волнительно и живописно рассказывал, он ни разу не издал постороннего отвлекающего звука.

– Что будем делать с чемоданчиком? Колдунья ничего не обещала. Я даже не поняла – примет ли вознаграждение. Снова к ней нужно ехать. Загадками говорит, я ничего не поняла.

Галина, о встретившемся на пути от бабки Пулечихи подозрительном здоровяке рассказывать мужу не стала, но обещание с ней поехать взяла. На прощание Валентин сказал:

– Понимаешь, как важно нам долечиться сейчас. Пусть че-

моданчик побудет со мной, а деревенским скажи, что не одним днем застарелые раны лечатся.

Глава 14

Старушка Разуваева со всех ног бежала к своей палате, её окликали, её пытались остановить, но она отбивалась и никого не выслушивала. Двери палаты были открыты. Обе соседки – и Надежда, и Зинаида, занятые чтением, подняли головы, когда в палате объявилась старушка. Старушка Разуваева подошла к Надежде и сходу заявила:

– Наденька! У тебя появился конкурент! Ты вот всё агитируешь, а Петушок уже лечит КэФЭЭсами.

Надежда конспект с лекциями отложила нехотя в сторону.

– О чем это вы? Я главный координатор, и агентов кроме меня здесь быть не может. И не КэФЭЭсами, а КаФээСами – так правильнее.

Старушка держала руки в карманах цветастого байкового халата, когда выслушивала недовольство Надежды, руки вынула и назидательно многократно погрозила пальчиком кому—то вышерасположенному.

– Вот, вот. Он всё видит! – лукаво добавила: – А не в клизменной ли размножились КэФээСы? Только вот у Петушка очень большая коробочка! Наверное, у тебя устаревшие аппараты.

Зинаида, сидевшая, опершись одной рукой о тумбочку,

читавшая изрядно потрепанный журнал «Здоровье», отвлеклась на азартное выступление старушки.

– Тёть Рая, и кого он лечит? – строго спросила, утаивая смешок.

– Сашка и «синий бархатный халатик», похоже на очереди жена Петушка. Нам в ту очередь не пробиться, – расстроено высказалась старушка, присела на кромку кровати. Надежда ноги опустила с кровати и начала коробочки убирать с тела. Зинаида, наблюдая за поспешными действиями Надежды, ударилась в философию:

– Недостаток лекарства приводит к рецидиву, избыток – к психическим отклонениям, а исцеляет вера. Её много не бывает.

Выступление Зинаиды старушке понравилось, и она мечтами улетела навстречу березовому венику.

Надежда, ничего не говоря, прогладила руками складки на халате и так, – продолжая их оглаживать, вышла из палаты. У палаты №6 она пересеклась с возвращающимся после встречи с супругой Валентином, схватила его за локоть.

– Говорят: КаФээсами лечишь. Откуда они у тебя?

– Моя одна коробочка точно мощнее будет. Природный генератор – переработанная куча навоза, этот генератор очень дорогой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.